

НЕ ЧАСТО и далеко не многие писатели обращаются к так называемой «атеистической» тематике: рассматривают под увеличительным стеклом художественного анализа духовные (да и не только духовные) драмы, порожденные столкновением архаической в наш век религиозности с быстрым течением нашей жизни — с развитием новых отношений между людьми, с внедрением научного мировоззрения в массы, с ростом образования и культуры. Велика сложность этой темы, понуждающей художника углубляться в самые густые «потемки чужой души» (а «своего» опыта верований и их преодоления у наших писателей обычно, как нетрудно догадаться, нет). Поэтому каждая новая попытка литератора, отважившегося взяться за эту нелегкую тему, привлекает внимание и заслуживает изучения и оценки.

Весьма интересной представляется мне новая «атеистическая» повесть Владимира Тендрякова «Апостольская командировка».

Сюжет ее прост. Молодой физик Юрий Рыльников, в общем-то преуспевающий сотрудник научно-популярного журнала, запутавшись в раздумьях и сомнениях насчет смысла жизни, поверив в бога, увольняется с работы, бросает семью и едет куда глаза глядят. Очутившись в деревне Красноглинке, он поступает на работу в колхоз, с натугой приспосабливается к непривычному для него физическому труду и незнакомой среде, в которой

В. Тендряков. «Апостольская командировка». Повесть. Журнал «Наука и религия», № 8—10, 1969.

он так и не становится своим. После ряда болезненных столкновений с самыми различными людьми, верующими и неверующими, он с облегчением ощущает, что его религиозное ослепление прошло, — и возвращается.

Краткость, сжатость описания внешних примет этих столкновений, как и нарочитая простота сюжета, отвечают, нам думается, намерению писателя сосредоточиться на анализе психологической драмы Юрия Рыльникова, ее истоков и ее течения, «завихряемого» каждым таким столкновением в неожиданную для героя сторону. Вся история «апостольской командировки» Юрия Рыльникова дана как цепь кадров, встающих перед его больной памятью, измученной сомнениями в ценности собственного «я» и человеческой жизни вообще, в справедливости своих поступков и своего образа мышления как до, так и во время этой странной «командировки». Опытный художник, Тендряков максимально расширяет себя от необходимости углубления в те подробности, которые могли бы отвлекать его от главного.

На наш взгляд, это главное состоит во вдумчивом художническом исследовании той интеллектуальной и нравственной — эмоциональной ущербности, которая нарушает цельность духовного облика, обесценивает даже значительный, но дисгармоничный запас современных знаний, а в области нравственной оборачивается поправлением реальных требований морали во имя надуманных, иллюзорных абсолютных. Иными словами, повесть раскрывает анатомию духовного инфантилизма — тех «прома-

хов незрелой мысли», при которых человек, даже искренне стремящийся к добру, — начинает зло, тянущийся к свету — блуждает в потемках, жаждущий цельности — путается в сомнениях и внутренних противоречиях, вплоть до полного душевного разлада. Владимир Тендряков обнажает причины удивительно в наш век, но модного в буржуазных странах явления «интеллигентской» религии, которое нет-нет, да и мелькает и у нас, каким бы чужеродным в нашем обществе, а оттого и уникальным, оно ни

для него позади. Он имеет приличную зарплату, живет с женой и дочкой в благоустроенной отдельной квартире. Но именно избавление от бытовых неурядиц позволяет всплыть на поверхность сознания бессознательному до тех пор недовольству. Он недоволен всем: собой, семьей, своим неумением реализовать собственные замыслы (он задумал было записать «за книгу толстов так на двадцать — толстый том научной популяризации», который должен был представить собой «фантастический

Отсюда и его религиозность. Юрий не знает доподлинно, что такое религия и религиозная вера, но считает, что это — путь к облегчению от сомнений и раздвоенности. Из повести ясно видна и эта сторона духовного инфантилизма — леность мысли особого рода, стремление отмахнуться от осмысления обыденных практических вопросов ради всеоправдывающих поисков возвышенного. Подобные искания не требуют большого интеллектуального напряжения, подменяя его смутными страдальческими эмоциями, не имеющими под собой достаточной почвы. Исчезает спокойное раздумье, накапливается, если употребить термин столь популярной ныне кибернетики, энтропия мысли.

Повесть Тендрякова пронизывает одна идея: нельзя быть человеком, «занимать место» человека, не относясь сознательно к себе, окружающим, к своему делу, не стремясь всю свою жизнь, все свои проблемы — крупные и мелкие — охватить сознанием, цельным и постоянно работающим. Упрощенно выразить эту главную мысль автора можно было бы следующим образом: ни знания, ни способности, ни благоприятная интеллектуальная, культурная и, шире, социальная среда не дают гарантий от идейных блужданий, если не сформировалось мировоззрение, опирающееся на научную основу. Но повесть — отнюдь не плоская иллюстрация этой идеи. Недаром те или иные положения, бесспорные для нашего времени, звучат из уст тех персонажей, которые неприятны герою, а иногда чем-то неприятны и беспристраст-

ному читателю. Среди «сил добра», разбивающих иллюзии 33-летнего юнца, оказываются и председатель колхоза Густерин, и насмешливые плотники, окрестившие Юрия за необычность его поведения «рогатой лошастью», и юный поп «отец Володька», ужаснувшийся Юрия тягой к воинствующему невежеству.

К истине подводит все движение повести.

Можно долго перечислять различные вопросы, затрагиваемые или лишь слегка намеченные В. Тендряковым, встающие всякий раз перед теми, кто занимается научно-атеистическим воспитанием, — о такте, о мере социальных и политических оценок, об уровне соответствующих лекций и т. д. Проблемы важные, но, может быть, автору стоило бы даже чуть-чуть «разгрузить» повесть: она и так несет большую нагрузку, ярко и четко показывая те психологические и социально-психологические «механизмы», посредством которых свойственные для всякого молодого человека раздумья могут превратиться в бремя неразрешимых противоречий; недостатки духовного (в частности, мировоззренческого) развития — в путаницу; элементы инфантильности — в склонность к предрассудкам. И незначительное, в общем-то, «явление Юрия Рыльникова народу» под пером серьезного, пытливого художника стало важным итогом того интересного исследования современной религиозности, которое В. Тендряков начал уже давно, в «Чудотворной», и успешно продолжает.

В. МАРКОВ

АНАТОМИЯ ДУХОВНОГО ИНФАНТИЛИЗМА

выглядело. История Юрия Рыльникова, рассказываемая от первого лица, дает богатый материал для прослеживания причин и развития этой «странной болезни, не признаваемой медиками».

«...Религия, — писал К. Маркс, — есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял». Юрий Рыльников потому и запутался в религиозных исканиях, что свое место в жизни он обрел лишь в «топографическом», что ли, смысле. Период бытового неустойчивости, столь часто встречающийся в процессе складывания молодых семей, с перемещениями по «частным» квартирам, с теснотой, неуютом, с временными материальными прореха-

гим, пугающий читателя величием природы и дерзостью человеческой мысли), достигнутым благополучием и собственным отношением к оставшимся в прошлом трудностям, к своему делу, к окружающим людям. Не умея привести разные стороны жизни к одному знаменателю, Рыльников и обращается к «вопросу вопросов» — начинает размышлять о смысле жизни, стоящем... вне жизни и «над» нею.

Пренебрежение к «мелким» вопросам, граничащее со страхом перед ними, заставляет его сосредоточить душевные силы на том, что кажется ему всеобъемлющим, противостоящим своей возвышенностью «низменному» течению обыденной жизни.